

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Письмо Михаила Васильевича Никольского к Владимиру Казимировичу Шилейко

Н. А. Бурановская
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

Владимир Казимирович Шилейко (1891 — 1930), проживший неполных сорок лет, оставил яркий след в истории отечественной и мировой ассириологии. Однако его судьба малоизвестна, несмотря на то что он был не только гениальным ученым, но и одним из поэтов, творивших изысканный покров «серебряного века» русской культуры. По меткому выражению Вяч. Вс. Иванова, «творчеству Шилейко суждено было стать одним из застенчивых ее проявлений, которому мы начинаем удивляться позднее, чем другим»¹.

Литературоведы уже откомментировали поэтическое наследие В. К. Шилейко рядом обстоятельных статей². Как о яркой фигуре своего времени о нем много написано и в мемуарной литературе³. Но становление В. К. Шилейко как ученого⁴ осталось практически неизученным. В связи с этим оста-

¹ Иванов Вяч. Вс. Одетый одеждою крыльев // *Всходы вечности*. М., 1987. С. 120.

² Топоров В. Н. Две главы из истории поэзии начала века. В. К. Шилейко (к соотношению поэтики символизма и акмеизма) // *Russian literature*. 1979. May, 7–8 (Special issue. Russian symbolism); Гальперин Ю. М. О поэтическом наследии В. К. Шилейко // *Материалы XXVII науч. студ. конф. Литературоведение. Лингвистика*. Тарту, 1972; Цивьян Т. В. Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та*. Вып. 284. Тарту, 1971; Иванов Вяч. Вс. Одетый одеждою крыльев.

³ Колпакова Н. П. Страницы дневника // *Об Анне Ахматовой*. Л., 1990; Лукницкая В. Из двух тысяч встреч. М., 1987; Она же. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Она же. Перед тобой земля. Л., 1989; Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Париж, 1991; Лукницкая В. *Материалы к биографии Н. Гумилева* // Николай Гумилев. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1989; Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989; Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988; Шилейко Т. Легенды, мифы и стихи // *Новый мир*. 1986. № 4; Пяст В. Встречи. М., 1929; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // *Памятники культуры*. Ежегодник. 1983. М., 1985; Шкловский В. Жили-были. М., 1966; Срезневская В. Воспоминания // *Искусство Ленинграда*. 1989. № 2; Жирмунский В. Анна Ахматова. Л., 1973.

⁴ О научном наследии В. К. Шилейко см.: *Постовская Н. М.* Ассириология // *Изучение древней истории Ближнего Востока*. М., 1961; Иванов Вяч. Вс. О поэзии Древнего Двуречья // *Всходы вечности*. М., 1987; *Востоковедение в Петрограде*. 1918–1922; *Памятка коллегии востоковедов при АМ РАН*. Пг., 1923; Грибов Р. А. Из истории русской ассириологии. В. К. Шилейко (1891–1930) // *Очерки по истории Ленинградского гос. ун-та*. Л., 1968; *Рифтин А. В.* В. К. Шилейко. Некролог // *Сборник Египтологического кружка при ЛГУ*. Л., 1930. Вып. 6; *Дандамаев М. А.* Ассириология // *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. М., 1972; *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982.

Н. А. Бурановская. Письмо М. В. Никольского к В. К. Шилейко

ются неясными вопросы о научной школе, в рамках которой проходило его формирование, о преемственности научных традиций.

В одной из работ В. К. Шилейко охарактеризован как «замечательный ассириолог-самоучка»¹, что не совсем верно. Еще в гимназические годы он глубоко увлекался историей Древнего Востока; с благодарностью В. К. Шилейко вспоминал о преподавателе Петергофской классической гимназии М. М. Измайлове, которого он охарактеризовал как человека, «некогда вложившего в меня первую и самую сильную любовь — любовь к угасшему солнцу Востока»². Возможно, что отец В. К. Шилейко, Казимир Донатович, как-то способствовал увлечению сына. Во всяком случае, любопытен тот факт, что К. Д. Шилейко уже немолодым человеком, обремененным службой (петергофский уездный исправник) и многочисленной семьей, в сорок два года (в 1902 г.) поступил на вечерние курсы С.-Петербургского Археологического института, согласно резолюции С.-Петербургского губернатора, «без освобождения от служебных занятий»³. Его старшему сыну Владимиру было в это время одиннадцать лет. И отец находил возможность выделять средства для покупки различных старинных предметов — рукописей, книг и т. д.

В 1909 г. после окончания Петергофской гимназии с золотой медалью В. К. Шилейко поступил на Восточный факультет С.-Петербургского университета и сразу привлек к себе внимание профессоров-востоковедов, ученых европейского масштаба — семитолога широкого профиля Павла Константиновича Коковцова (1861—1942) и египтолога и семитолога Бориса Николаевича Тураева (1868—1920). Став учителями В. К. Шилейко, они пристально следили за развитием его уникального дарования. Взаимоотношения студента и его старших коллег можно проследить по переписке ученых, в частности, по переписке между историком, палеографом и коллекционером Николаем Петровичем Лихачевым (1862—1936) и первым русским ассириологом и шумерологом Михаилом Васильевичем Никольским (1848—1917).

М. В. Никольский, сразу воспринявший В. К. Шилейко как экстраординарное явление в науке и объявивший его своим преемником, особенно был озабочен проблемой получения им основательного университетского образования и именно на это обращал внимание как самого В. К. Шилейко, так и его учителей. В письмах к Н. П. Лихачеву М. В. Никольский неоднократно и настойчиво возвращается к этой теме, выделяя в связи с нею преподавательскую деятельность П. К. Коковцова, читавшего в Университете курс ассириологии и семитологии. «Насколько это важно, Вы можете судить по Шилейко, без Коковцова его бы не было. Кто знает, какие еще могут выйти неожиданности из его школы. Будем его поддерживать», — таково было мнение М. В. Никольского о П. К. Коковцове-педагоге⁴.

Публикуемое ниже письмо М. В. Никольского к В. К. Шилейко, любезно предоставленное автору публикации наследниками ученого — Алексеем Владимировичем и Тamarой Михайловной Шилейко, проливает свет на не известные ранее факты его университетской жизни, важные для понимания как

¹ Дандамаев М. А. Ассириология. С. 535.

² Шилейко В. Вотивные надписи шумерских правителей. Пг., 1915. С. III.

³ Формулярный список о службе и. д. Петергофского уездного исправника статского советника Казимира Донатовича Шилейко. Санкт-Петербургский исторический архив, ф. 14, оп. 3, № 54827, л. 14, пункты VII—IX.

⁴ Письмо М. В. Никольского к Н. П. Лихачеву. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 246, оп. 3, № 279, л. 31.

незаурядной личности В. К. Шилейко, так и традиций отечественной научной школы, в рамках которой проходило ее формирование. Ниже — публикация.

6 июля 1912 г.,
Вельяминово

Дорогой коллега!

Я много слышал о Вас от Б. А. Тураева, но, несмотря на лестный о Вас отзыв, я все же думал, что Вы еще только ученик первого элементарного класса по клинописи, с успехом переходящий во второй, но, получив Ваше письмо, был совершенно удивлен, увидав в лице Вашем готового ассириолога, овладевшего всеми важнейшими позициями в нашей науке и с мужеством и успехом берущегося за решение самых трудных и неразрешимых проблем. От души Вас приветствую! Не шучу, а говорю искренно, что, при виде столь одаренной и многообещающей юности, мне, старому и больному ветерану, хотелось сказать словами Праведного Симеона: «Ныне отпускаеши...»¹

В самом деле! Вы учились клинописи у такого первоклассного ученого, как П. К. Коковцов. Ведь, на мой взгляд, в Европе мало наберется таких ученых, которые бы так всеобъемлюще и глубоко знали семитологию, как Павел Константинович; изучив все другие ее отрасли, он лишь в последние 10 лет, на моих глазах, основательно изучил ассирийский язык и ассирийские тексты. Ему стоило это немало труда, но он хотел довершить и довершил свой курс семитологии. Но он не ассириолог и никогда не пожелает им быть; он был и навсегда останется семитологом. Сумеризм (шумеризм. — Н. Б.) его не интересовал как чуждая ему область, и мне казалось, что он никогда к нему не перейдет, но лишь недавно он сообщил мне, что он намерен в ближайшем будущем и с ним основательно познакомиться. Как видите, он не мог быть Вашим руководителем в этой отрасли ассириологии, но что он оказался в состоянии в какой-либо один (или два) года открыть Вам тайну своей науки, что благодаря ему раскрылись Ваши глаза и Вы поняли Ваше призвание, смело перескочив через тот рубеж, какой боялся перейти Ваш учитель-гигант, — это составляет его заслугу, цену которой Вы в состоянии будете понять если не сейчас, то впоследствии. Теперь же Вы окончили у

¹ Лк2 : 29.

него курс ассириологии, но это не значит, что он Вам еще не понадобится; полагаю даже, что Вам без него не обойтись. А Ваше призвание, повторяю, теперь определилось: идите смело и открыто в широко открывшуюся Вам дверь навстречу великих научных проблем, плодотворного труда и личного счастья. Да поможет Вам Бог!

Не имея руководителя по сумеризму, Вы обращаетесь ко мне с Вашими вопросами и недоумениями. Сердечно благодарю Вас за Ваше доверие и прошу Вас верить, что я всегда буду относиться к Вам по-дружески, но наперед Вам скажу, что я не в силах Вас в чем-либо руководить и отвечать на все Ваши вопросы; я уже *(предложение не закончено; возможно, утрачена часть письма размером в 4 странички in-32°)*. А теперь голос мой давно замолк. И вот явились Вы, как Минерва из головы Юпитера, готовым ассириологом и, кажется, и гебраистом, приветствуете меня как Вашего духовного отца и воздаете мне чуть не божеские почести. Откинув преувеличения, я с изумлением и восторгом смотрю Вам в лицо. Ведь и в самом деле, Вы, хотя и не ученик мой и даже до последнего времени не боле как таинственный незнакомец, на самом деле говоря, подняли уже столько лет выброшенное из моих рук знамя и уже во имя его совершили и совершаете героические действия. И показалось мне теперь, что не напрасно я трудился, что семя, мною брошенное, не умерло или, лучше сказать, не умрет, а принесет плод. Ведь Вы так поздно явились на свет, что не слышали моего голоса, не видели меня в пору моей деятельной жизни, пред Вами лишь оказался мой труд, в который я вложил свою душу, и — вот я, еще живым, услышал наконец радостный привет молодой жизни, — в том возвышенном гимне, который Вы мне воспели, я слышу громче всего и всего ближе к душе те струны и мелодии, которые в унисон с моим сердцем воспевают мне величие и прелесть того идеала, которым жила моя собственная душа. Теперь во мне воскресла упавшая вера, что деятельное стремление осуществить свой идеал с готовностью жертвовать жизнью не пропадает бесследно. Да, Вы подняли мое знамя, но теперь я буду жить новою мечтою — о том, чтобы Вам удалось твердо водрузить его у нас, чего не удалось мне. Для этого боле всего необходимо, чтобы сам знаменосец укрепил за собою и под собою позицию. Спасайте прежде всего себя, чтобы спасти свое знамя, пока судьба не отняла Ваше сокровище: старайтесь создать для себя крепкую твердыню, и тогда вместе с Вами настанет и торжество нашей науки. Что же касается меня, то поверьте, Вы если не перешли, то скоро перейдете мою меру, и после появления Вашего первого научного труда, принимая Ваш

мне поднесенный титул учителя, с гордостью я написал бы Вам так, как Жуковский Пушкину: «От побежденного учителя победившему ученику». Если же я хоть немного Ваш учитель, то помните и этот последний мой завет: укрепляйтесь сами и смело водружайте Ваше знамя, но берегите его, пока еще силы Ваши слабы. Погибнете и погубите врученный Вам Ковчег Завета.

Мне очень лестно, что Вы с доверием вручаете мне на мое суждение Ваши научные соображения. К сожалению, я не всегда могу Вас проверять, так как давно уже отстал от науки и даже отстал от самого себя, каков я был в прежних работах. Сердечно благодарен Вам за прекрасную копию лихачевского документа архаической эпохи с интересным суффиксом¹ *-ra* после *Šir-pur-la-ki*. Он действительно должен привлечь внимание специалиста. Но я не согласен с Вашим толкованием. Переход *r* в *š* — далеко не обычное явление, да и не в обычае авторов этой эпохи прибегать к фонетическим комплементам, особенно в собственных именах. Всего проще было бы объяснить это *-ra* при субъекте («Enlitarzi patesi Širpurla-ki-ra») в качестве демонстративной частицы, как тождественное с ним *ar* в *Gu-de-a-ar*, «this Gudea» (Langdon, § 163); это было бы указанием на того самого *patesi*, о котором говорится в первых трех линиях столбца. В агглютинирующих языках, к разряду которых принадлежит шумерийский, собственно нет падежных окончаний, частицы же, их заменяющие, указывают на внутреннее отношение к субъекту или предикату, а это открывает возможность и к другим предположениям. Например, здесь *ra*, будучи по значению близко к частице дательного падежа, могло бы указывать на особо близкое отношение субъекта к совершаемому им действию, выраженному сказуемым. Я, впрочем, на этом не настаиваю, ибо ...этот вопрос — все-таки трудный, но — воля Ваша — чтение здесь *Lagar* ни в каком случае не могу принять.

Не эту только таблетку, а вообще все оставшиеся неизданными у Лихачева архаической эпохи следовало бы скопировать и издать, но эту задачу предстоит выполнить *не мне, а Вам* (кажется, Вы уже имеете копии), *когда придет Ваш срок*². Пока же обождите, а займитесь Вашей урочной работой, чтобы хоть с успехом перейти из первого класса во второй в Вашем заведении,

¹ Здесь и далее речь идет о толковании грамматических явлений в шумерском и аккадском языках. М. В. Никольский был прав, истолковывая суффикс *-ra* как показатель дательного падежа. Предположение В. К. Шилейко касательно перехода *r* в *š* было ошибочным.

² Пожелание М. В. Никольского В. К. Шилейко впоследствии осуществил, издав книгу «Вотивные надписи шумерских правителей».

Н. А. Бурановская. Письмо М. В. Никольского к В. К. Шилейко

именуемом университетом. *На меня же, пожалуйста, не рассчитывайте.* Мое время близко, а начатой работе нет конца: *Телло* почти окончил, но теперь на очереди *Dréhem* и *Djokha*¹, клубок не столько разворачивается, сколько свертывается.

Гораздо приемлнее Ваше другое соображение — относительно чтения имени Сеннахерима *Sin-ahê-riša*². Оно вполне возможно ввиду значения 𐎲𐎠 *ri*, и чтения этого имени у Геродота Σαναχάρηρος . Но вокализация этого имени (סַנְחַרִיב) и др. с долгим *i* не служит достаточным основанием, так как *matres lectionis*, то есть ׀ и ׁ в значении гласных, очень позднего происхождения: их присутствие еще не говорит за древнее и подлинное произношение и количество гласных.

Сердечно благодарю Вас за присылку «*Orientalische Literaturzeitung*». По прочтении немедленно Вам возвращу. О статье Пейзера³ и других, касающихся хронологии, замечу со своей стороны, что их аргументы малоубедительны, в особенности заимствованные из астрономии. Ведь эти эры Сина и Шамаша⁴ — чистая фантазия. Я боюсь, что подобный метод решения важнейших исторических вопросов подорвет доверие к ассириологии, выводы которой производят нередко целую сенсацию в мыслящих кругах общества. Главное, что плохо обоснованные гипотезы выдаются прямо за неоспоримые положения, почти за аксиомы. К несчастью, Пейзер мнит себя первою величиною в области нашей науки.

Но пора кончить длинное письмо. Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку и остаюсь неизменно Вам преданный

М. Никольский

¹ Телло, *Dréhem*, *Djokha* — древние городища на территории Ирака.

² Предложенное В. К. Шилейко чтение имени ассирийского царя Синаххериба (Син-аххе-эриба, 704—681 г. до н. э.) впоследствии стало общепризнанным. М. В. Никольский приводит библейский вариант имени — Сеннахерим.

³ Феликс Пейзер (1862—1921), немецкий ассириолог.

⁴ Идея об «эрах Сина и Шамаша», т. е. богов Луны и Солнца, впоследствии была отброшена.